

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-93-99>



Теоретические аспекты взаимодействия субъектов конституционного права

Васильев Станислав Александрович^{1, 2}

¹Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

²Институт государства и права Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия, mnogoslav@mail.ru

Аннотация. Рассматривая соотношение любых субъектов конституционного права, необходимо отметить, что наиболее действенным и эффективным является их взаимодействие. В настоящей статье оно воспринимается в качестве аналога категории «сотрудничество». Кроме этого, рассмотрено партнерство в качестве одной из составляющих данного социального явления. Изучение сущности взаимодействия рассматриваемых акторов позволяет разобраться в механизмах и юридических основах его осуществления для последующей модернизации нормативного правового регулирования, базирующейся на реальной практике его реализации, а также на потребностях общества и естественным образом протекающих социальных процессах.

Ключевые слова: взаимодействие, субъект конституционного права, теория взаимодействия, конституционно-правовое регулирование, теория соотношения, взаимное влияние, сотрудничество, партнерство

Для цитирования: Васильев С. А. Теоретические аспекты взаимодействия субъектов конституционного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 93-99. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-93-99>.

Original article

Stanislav A. Vasilev^{1, 2}

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

²Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, mnogoslav@mail.ru

Theoretical aspects of interaction of subjects of constitutional law

Abstract. Considering the relationship between any subjects of constitutional law, it should be noted that their interaction is the most effective and efficient. In this study, it is perceived as an analogue of the category “cooperation”; partnership is also considered as one of the components of this social phenomenon. Studying the essence of interaction between the actors under consideration allows us to understand the mechanisms and legal basis for its implementation for the subsequent modernization of legal regulation, based on the actual practice of its implementation, as well as on the needs of society and naturally occurring social processes.

Keywords: interaction, subject of constitutional law, theory of interaction, constitutional legal regulation, theory of correlation, mutual influence, cooperation, partnership

© Васильев С. А., 2024

For citation: Vasiliev S. A. Theoretical aspects of interaction of subjects of constitutional law. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 93-99. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-93-99>.

Автором настоящей статьи на протяжении продолжительного периода времени исследуется теория соотношения субъектов конституционного права, основная суть которой заключается в обосновании первичности взаимоотношений между различными субъектами, а также доказательства того, что помимо правоотношений имеют место иные влияния на основе правовых правил поведения. Взаимодействие является одной из форм соотношения субъектов конституционного права, ориентированного на взаимовыгодную деятельность, направленную на достижение общих для всех целей. При этом далеко не всегда закон устанавливает обязанность взаимодействовать. Часто такая деятельность осуществляется на диспозитивных и добровольных началах, подчас вовсе не имеющих юридической основы, но в рамках закрепленных прав, обязанностей, полномочий и т. д., в зависимости от принимающих участие акторов.

С. А. Шилина констатирует, что соотношение власти и ее субъекта имеет место только потому, что эти два элемента неизбежно взаимодействуют [1, с. 80].

Простая встреча депутата с населением представляет собой фактическое взаимодействие действующего органа власти с источником этой власти и единственным обладателем суверенитета по своей конституционно-правовой природе [2, с. 27].

Через взаимодействие народов, наций, этносов, государств, организаций, граждан и их объединений определял термин «политика» в самом абстрактном смысле Н. И. Матузов [3, с. 6].

А. Д. Керимов посредством системы взаимодействия федерального законодательного органа с другими субъектами государства и общества определял парламентаризм в качестве действенного института представительной демократии [4, с. 118].

Рассматривая осуществление парламентского контроля, А. А. Спиридонов уделяет большое внимание взаимодействию Федерального Собрания со Счетной палатой Российской Федерации, отмечая недостаточность данного вида деятельности. В этой связи ученый предлагает расширить такого рода сотрудничество, включив в данный процесс иных субъектов, среди которых Общественная палата России, иные субъекты общественного и муниципального контроля. Такое предложение указанным

автором рекомендуется отразить в Федеральном законе от 7 мая 2023 года № 77-ФЗ «О парламентском контроле», расширив перечень видов надзорной деятельности отечественного высшего представительного органа [5, с. 56, 60].

Взаимодействие как форма соотношения субъектов конституционного права определено в норме статьи 18 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6], которая устанавливает базовые требования для взаимодействия многофункциональных центров с органами публичной власти, которые компетентны в предоставлении государственных и муниципальных услуг. Детализируется процедура заключения такого договора в Положении о требованиях к заключению соглашений о взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 года № 797 [7].

Согласно совокупности упомянутых документов, проект предполагаемого взаимодействия направляется одной стороной в адрес другой, после чего рассматривается и при необходимости корректируется. После подписания данного соглашения указанные субъекты конституционного права приступают к сотрудничеству между собой [8].

С. А. Лубенникова считает, что данное взаимодействие необходимо и полезно, однако остается несовершенным, поскольку в правовых актах не прописан порядок материально-технического обеспечения делегирования соответствующих полномочий [9, с. 109]. Вместе с тем излишняя регламентация договорных отношений даже в публичном секторе может негативным образом сказаться на практике реализации соответствующей законодательной нормы. Если подробно прописать все условия, то соглашения будут носить исключительно учредительный характер, теряя правоустанавливающие качества. Это, в свою очередь, существенным образом ограничивает свободу действий всех участников указанного процесса. Ю. Н. Стариков

и К. В. Давыдов называют такие соглашения административными договорами [10, с. 38].

Взаимодействие различных уровней и видов власти представляет собой специфическое соотношение субъектов [11, с. 288]. Несмотря на очевидные стартовые позиции, обусловленные конституционно-правовым статусом, в процессе взаимного влияния происходят разные, иногда непредвиденные события. При этом такое движение или развитие должно оставаться в пределах, очерченных конституцией государства [12, с. 83]. В качестве иллюстрации обозначенного тезиса может служить мнение П. А. Астафичева о том, что чрезмерное разграничение полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов способствует потере их эффективного взаимодействия [13, с. 31].

В этом контексте актуальной является теория взаимодействия различных субъектов конституционного права таким образом, что его можно представить в качестве симфонии, о чем писал В. И. Фадеев [14]. Именно такой подход закладывает церковь при построении своих отношений с государством. При этом позиционируется в качестве недопустимого слепое повиновение. Напротив, там, где это уместно и необходимо, религиозные организации должны критиковать действия соответствующих компетентных органов и должностных лиц [15, с. 47], сохраняя при этом вектор развития конструктивного сотрудничества.

Примечателен советский опыт, предполагающий закрепление на уровне конституций союзных республик обязательного взаимодействия местных советов с трудовыми коллективами, связанного в основном с совместным обсуждением общественно значимых решений, а также в других формах. Сразу необходимо заметить, что в основной своей массе местные советы состояли из представителей трудовых коллективов, в связи с чем не было какого-то разрыва между данными субъектами конституционного права. В социологическом смысле это была единая общность с определенными оговорками. Таким образом, решалось сразу несколько задач. Во-первых, происходило сращивание управленцев и управляемых, которые персонально могли менять эту роль. Во-вторых, налаживались партнерские отношения, было проще предложить и реализовать инициативу граждан. В-третьих, обеспечивалось действенное вовлечение граждан в процесс публичного управления [16, с. 149], делалось то, что действительно было нужно соответствующей территории,

имела место постоянная объективная обратная связь от граждан и оценка деятельности государственных структур. В-четвертых, также с определенными оговорками, была близка к воплощению идея государства советов, когда хотя бы на низовом уровне ни одного значимого решения не принималось без общественного обсуждения. В настоящее же время публичные слушания и общественные обсуждения — форма консультативной демократии, которая проходит по требованию законодательства или по инициативе органов публичной власти с незначительными возможностями населения [17], возможно поэтому они мало востребованы и имеют низкую эффективность.

Нельзя не признать специфичность конституционного контроля, в том числе как гарантии правового статуса или способа защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако К. Ю. Гоглева рассматривает данную категорию в качестве компетенции органов судебного контроля по взаимодействию с рядом иных субъектов конституционного права, основанной на симбиозе ряда функций Конституционного Суда Российской Федерации [18, с. 15].

В этой связи необходимо заметить, что взаимодействие любых социальных акторов предполагает совместную деятельность его участников, в равной степени заинтересованных в достижении поставленных перед ними целей. Контроль может весьма условно определяться через взаимодействие, исходя из всеобщего стремления соблюдения режима законности и правопорядка. Но не более того.

В рамках реализации общественных отношений традиционно считается, что контрольно-надзорные мероприятия негативным образом сказываются на текущей деятельности любого проверяемого субъекта.

С психологической точки зрения такого рода мероприятия также приносят понятный дискомфорт, поэтому в данном случае, особенно в рамках нормоконтрольной деятельности и конституционного аудита, целесообразно говорить о взаимоотношениях, а не взаимодействии. В то же время относительно консультативной или обеспечительной функции в отрыве от вышеуказанных предложение автора является состоятельным.

Также необходимо ограничивать координационную функцию от взаимодействия во взаимоотношениях федеральных и региональных органов государственной власти в ходе реализации бюджетного процесса. Координация предполагает одностороннее воздействие

не только на общественные отношения, но и на самого субъекта воздействия. Надо заметить, что последний в таком случае трансформируется [19, с. 140] ввиду изменения его правового статуса из-за появления новых обязанностей по реализации порученного функционала.

Имеет место и другой аспект взаимодействия в рамках, казалось бы, императивных государственно-властных отношений. Так, в современной доктрине предлагается обязать депутатов на своем уровне собирать информацию о насущных проблемах и перспективах развития и при необходимости передавать их депутатам вышестоящего уровня [2, с. 29] или иным компетентным должностным лицам. Такого рода передача сведений осуществляется в форме взаимодействия, но перспектива обязать взаимодействовать имеет право на существование, к тому же в практике подзаконного регулирования правоохранительных органов существуют такого рода нормы [20].

Информационное взаимодействие между субъектами конституционно-правовых отношений в сфере предоставления социальных услуг населению предусмотрено в главе 4.2 Закона Удмуртской Республики от 23 декабря 2004 года № 89-РЗ «Об адресной социальной защите населения в Удмуртской Республике» [21]. Положения данного раздела закона предусматривают обязательство компетентных субъектов организовывать электронную площадку, в рамках которой населению предоставляется вся необходимая информация, а также обеспечивается получение обратной связи. В данном случае взаимодействием является информационный обмен между региональными властными структурами и гражданами, направленный на максимальное удовлетворение законных интересов каждого жителя Республики.

Рассматривая вопросы государственной политики в сфере поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, С. С. Зенин уделял большое внимание принципу признания взаимодействия государств в области обеспечения прав и свобод соотечественников [22, с. 77]. Данному принципу уделено особое значение ввиду примата эффективности взаимодействия государств. На основании такой совместной деятельности в конечном счете определяется реальный уровень правовой и социальной защищенности соотечественников, а равно и сама возможность получения объективной информации о проблемах реализации их прав и свобод [23, с. 24].

Взаимодействие правоохранительных органов и общественных объединений, по мнению

Е. Е. Тонкова, будет тогда эффективным, когда выстроится системное и действенное взаимодействие между самими государственно-властными структурами [24, с. 164–165]. Институты гражданского общества не должны выступать в качестве вспомогательного элемента, источника информации или номинального субъекта общественного контроля. Они должны стать полноценными партнерами в случае наличия такой заинтересованности, в том числе по самостоятельному пресечению преступлений и профилактике правонарушений, тем более, что общественные организации не должны выступать в качестве тех, кто указывает государственным структурам на недостатки в их работе, включая жалобы в другие компетентные органы.

Оптимизация совместными усилиями сельского хозяйства может позволить вовлечь в данную сферу представителей туристической деятельности, так как агротуризм становится одним из перспективных трендов развития отечественного бизнеса [25]. Через такие формы органы местного самоуправления, вовлекая аграриев и других предпринимателей, соотносятся с гражданами, пребывающими в село, создают положительный образ соответствующей территории, который позволяет развивать и другие направления.

Значимой составляющей взаимодействия является партнерство, которое, по мнению В. И. Катина, должно определяться как участие одного субъекта в совместной деятельности с другими субъектами. Основывается данное явление на следующих принципах:

- равенство сторон;
- законность;
- единая для всех цель;
- взаимное уважение, мирное сосуществование, толерантность;
- оказание взаимной помощи в случае необходимости;
- ограничение вмешательства в дела друг друга;
- умение и способность преодоления конфликтов, а также выработанные механизмы поиска компромисса;
- неукоснительное соблюдение достигнутых договоренностей;
- прозрачность, выражающаяся в открытости по предмету сотрудничества.

Исходя из этого, партнерство можно классифицировать по ряду оснований.

По субъектному составу:

- между людьми;
- между человеком и юридическим лицом;
- соотношение гражданина и государства;

- влияние юридических лиц друг на друга;
- между государством и организацией;
- между несколькими государствами.

По роду деятельности: в зависимости от основных сфер общественной деятельности: политическое, экономическое, социальное, а также духовное и культурное.

По правовому основанию:

- юридически оформленное партнерство;
- без такового закрепления.

В зависимости от количества участников:

- многочисленное;
- малочисленное;
- межгрупповое.

По периоду существования партнерства:

- долгосрочное;
- среднесрочное;
- краткосрочное;
- бессрочное [15, с. 88–89].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Взаимодействие субъектов конституционного права всегда имеет процессуальные рамки, включая определенные стадии. Так, подписание соглашения о сотрудничестве еще не предполагает его реализацию на практике. Необходимо наличие фактически реализованных мероприятий. Подписание как таковое взаимодействием в чистом виде не является.

2. Взаимодействием необходимо считать реальное вовлечение субъектов в какую-то деятельность. Публичные слушания, проводимые для формального выполнения законодательных требований, также нельзя считать в качестве сотрудничества, если граждане реально не вовлечены в демократические и управленческие процессы.

3. В современной доктрине нередко встречается неправильное понимание термина «взаимодействие», которое позиционируется как контроль или иные взаимоотношения. Правильнее же его воспринимать нужно как добровольную совместную деятельность двух или более субъектов конституционного права.

Список источников

1. Шилина С. А. Соотношение власти и ее субъекта: управление вербальным коммуникативным кодом // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 1. С. 80–84.
2. Тонков Е. Е., Нифанов А. Н., Худокормов С. И. Интересы местного сообщества как основа деятельности муниципального представительства // Управление городом: теория и практика. 2018. № 2 (29). С. 20–30.

3. Матузов Н. И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 6–17.

4. Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизни: вопросы теории: монография. Москва: Норма, 2014. 192 с.

5. Спиридонов А. А. Парламентский контроль в единстве с системой государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественно-го контроля: современное понимание и перспективы развития // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 3. С. 52–62.

6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4179.

7. Положение о требованиях к заключению соглашений о взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления: постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 года № 797 (ред. от 5 апреля 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 40, ст. 5559.

8. Васильев С. А. Проблемы развития организационно-правовых основ предоставления государственных и муниципальных услуг населению в многофункциональных центрах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1572–1579.

9. Лубеникова С. А. Правовое регулирование деятельности многофункциональных центров // Lex Russica. 2017. № 2. С. 106–114.

10. Стариков Ю. Н., Давыдов К. В. Действительность административного договора // Административное право и процесс. 2013. № 6. С. 36–41.

11. Кравец И. А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 675 с.

12. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). Москва: Юрист, 2001. 292 с.

13. Астафичев П. А. Кадры судебных и правоохранительных органов как предмет совместного ведения федерации и ее субъектов // Ex Jure. 2023. № 1. С. 21–37.

14. Фадеев В. И. Идеи симфонии властей и сорбности и развитие народного представительства в России // Современное общество и право. 2011. № 2 (3). С. 3–15.

15. Катин В. И. Актуальные проблемы партнерских отношений Русской православной церкви и государства в современной России: монография. Саратов: Наука, 2016. 239 с.

16. Тихомиров Ю. А. Управление делами общества: (субъекты и объекты управления в социалистическом обществе). Москва: Мысль, 1984. 223 с.
17. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2003. 6 октября. № 40, ст. 3822.
18. Гоглева К. Ю. Судебный конституционный контроль как гарантия разделения властей в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. 29 с.
19. Безруков А. В., Кожевников О. А., Епифанов И. О. Взаимодействие законодательных и исполнительных органов государственной власти в федеральном бюджетном процессе // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. № 1. С. 137–150.
20. Васильев С. А. Конституционно-правовые основы взаимодействия общественных объединений с правоохранительными органами России в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: монография. 2-е изд. Москва: Вузовский учебник, 2016. 116 с.
21. Об адресной социальной защите населения в Удмуртской Республике: закон Удмуртской Республики от 23 декабря 2004 года № 89-РЗ (ред. от 18 марта 2019 года) // Известия Удмуртской Республики. 2004. 29 декабря.
22. Зенин С. С. Конституционно-правовые основы реализации государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Тюмень, 2024. 306 с.
23. Воробьева О. Д., Топилин А. В., Хроленко Т. С. Воспроизводство трудовых ресурсов и миграционная политика // Миграционное право. 2021. № 2. С. 21–25.
24. Тонков Е. Е. Модернизация юридических форм государственной деятельности: монография. Москва: Юрлитинформ, 2011. 256 с.
25. Ильинская Е. В. Деятельность органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды и развития сельских территорий // Островские чтения. 2016. № 1. С. 513–514.
4. Kerimov A. D. State organization of public life: theoretical issues: monograph. Moscow: Norma Publ., 2014. 192 p. (In Russ.)
5. Spiridonov A.A. Parliamentary control in unity with the system of state control (supervision), municipal control and public control: modern understanding and development prospects. *Lex russica*, 2023, art. 76, no. 3, pp. 52–62. (In Russ.)
6. On the organization of the provision of state and municipal services: federal law no. 210-FZ of July 27, 2010 (as amended on December 25, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2010, no. 31, art. 4179. (In Russ.)
7. Regulations on the requirements for concluding agreements on interaction between multifunctional centers for the provision of state and municipal services and federal executive authorities, bodies of state extra-budgetary funds, government bodies of constituent entities of the Russian Federation, local governments, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of September 27, 2011 No. 797 (as amended on April 5, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2011, no. 40, art. 5559. (In Russ.)
8. Vasiliev S. A. Problems of development of organizational and legal foundations for the provision of state and municipal services to the population in multifunctional centers. *Current problems of Russian law*, 2013, no. 12, pp. 1572–1579. (In Russ.)
9. Lubennikova S. A. Legal regulation of the activities of multifunctional centers. *Lex russica*, 2017, no. 2, pp. 106–114. (In Russ.)
10. Starilov Yu. N., Davydov K. V. Validity of an administrative agreement. *Administrative law and process*, 2013, no. 6, pp. 36–41. (In Russ.)
11. Kravets I. A. Russian constitutionalism: Problems of formation, development and implementation. Saint Petersburg: Legal Center Press Publ., 2004. 675 p. (In Russ.)
12. Shayo A. Self-limitation of power (short course of constitutionalism). Moscow: Lawyer, 2001. 292 p. (In Russ.)
13. Astafichev P. A. Personnel of judicial and law enforcement agencies as a subject of joint jurisdiction of the federation and its subjects. *Ex Jure*, 2023, no. 1, pp. 21–37. (In Russ.)
14. Fadeev V. I. Ideas of a symphony of authorities and conciliarity and the development of popular representation in Russia. *Modern society and law*, 2011, no. 2 (3), pp. 3–15. (In Russ.)
15. Katin V. I. Current problems of partnership relations between the Russian Orthodox Church and the state in modern Russia: monograph. Saratov: Nauka Publ., 2016. 239 p. (In Russ.)
16. Tikhomirov Yu. A. Managing the affairs of society: (Subjects and objects of management in a social society). Moscow: Mysl Publ., 1984. 223 p. (In Russ.)
17. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: federal law no. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended

References

1. Shilina S. A. The relationship between power and its subject: management of the verbal communicative code. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2009, no. 1, pp. 80–84. (In Russ.)
2. Tonkov E. E., Nifanov A. N., Khudokormov S. I. Interests of the local community as the basis for the activities of municipal representation. *City management: theory and practice*, 2018, no. 2 (29), pp. 20–30. (In Russ.)
3. Matuzov N. I. Concept and main priorities of Russian legal policy. *Jurisprudence*, 1997, no. 4, pp. 6–17. (In Russ.)

on August 4, 2023). *Collection of legislation of the RF*, 2003, no. 40, art. 3822. (In Russ.)

18. Gogleva K. Yu. Judicial constitutional control as a guarantee of the separation of powers in the Russian Federation. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. 29 p. (In Russ.)

19. Bezrukov A. V., Kozhevnikov O.A., Epifanov I. O. Interaction of legislative and executive bodies of state power in the federal budget process. *Bulletin of Moscow University. Episode 21: Governance (state and society)*, 2023, no. 1, pp. 137–150. (In Russ.)

20. Vasiliev S. A. Constitutional and legal foundations of interaction between public associations and law enforcement agencies of Russia in the field of protection of human and civil rights and freedoms: monograph. 2nd ed. Moscow: University textbook, 2016. 116 p. (In Russ.)

21. On targeted social protection of the population in the Udmurt Republic: Law of the Udmurt Republic no. 89-RZ of December 23, 2004 (as amended on March 18, 2019). *News of the Udmurt Republic*, 2004, no. 199. (In Russ.)

22. Zenin S. S. Constitutional and legal basis for the implementation of state policy towards compatriots living abroad - Tyumen, 2024. 306 p. (In Russ.)

23. Vorobyova O. D., Topilin A. V., Khrolenko T. S. Reproduction of labor resources and migration policy. *Migration Law*, 2021, no. 2, pp. 21–25. (In Russ.)

24. Tonkov E. E. Modernization of legal forms of state activity: monograph. Moscow: YurLitinform Publ., 2011. 256 p. (In Russ.)

25. Ilyinskaya E. V. Activities of local government bodies in the field of environmental protection and development of rural areas. *Ostrovskie readings*, 2016, no. 1, pp. 513–514. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Васильев — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Севастопольского государственного университета; старший научный сотрудник лаборатории функциональных основ моделирования социального поведения в Института государства и права Тюменского государственного университета.

Information about the author

S. A. Vasiliev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law at Sevastopol State University; Senior Researcher at the Laboratory of Functional Foundations of Modeling Social Behavior at the Institute of State and Law at Tyumen State University.